

УДК 343

КОНВЕНЦИЯ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО: НЕДОСТАТКИ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОГО АКТА

CONVENTION ON THE PREVENTION AND PUNISHMENT OF THE CRIME OF GENOCIDE: SHORTCOMINGS OF THE INTERNATIONAL LEGAL DOCUMENT

Елена КОРОТИЧ,
начальник отдела
НПЦ Генеральной прокуратуры,
кандидат юридических наук, доцент

На основании анализа норм Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года, а также отдельных решений современных международных судов по вопросам применения данного акта в статье обращено внимание на некоторые недостатки конвенционного определения геноцида, равно как и предусмотренного в указанной Конвенции механизма предупреждения этого преступления и реализации обязательств сторон.

Ключевые слова: геноцид; международно-правовой механизм предупреждения и борьбы с геноцидом; недостатки международных стандартов в сфере противодействия геноциду.

Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, заключенная 9 декабря 1948 г. (далее – Конвенция 1948 года) [1] – важнейший этап в становлении (как на международном, так и национальном уровнях) запрета на совершение геноцида. Именно этот документ позволил выделить геноцид из системы преступлений против человечества как наиболее тяжкое деяние и формализовать содержание его противоправности в конкретной норме (ст. II Конвенции 1948 года). Причем, несмотря на международно-правовой

характер Конвенции 1948 года, ее практическое значение способствовало развитию законодательства государств-участников: будучи имплементированным в национальные уголовные законы, конвенционное определение геноцида стало предпосылкой формирования относительно однородного по содержанию состава данного преступления. Это унифицировало законодательство государств-участников в данной области и создало основу для международного сотрудничества в борьбе с рассматриваемым деянием.

Конвенцией 1948 года было закреплено понятие геноцида, определены противоправность данного деяния независимо от времени его совершения, а также связь с актами агрессии и военными преступлениями. В остальном в Конвенции 1948 года был задокументирован существующий до этого запрет на совершение действий, перечисленных в ст. II данного акта в качестве признаков геноцида.

Подтверждением сказанного может служить позиция Судебной камеры Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, отраженная в приговоре по делу Тадича, согласно которой нормы Конвенции 1948 года являются частью международного обычного права. Учитывая наличие предпосылок для наделения качеством международного обычая самого запрета на совершение геноцида, представленная позиция судебной инстанции может позволить несколько иначе оценивать действие ряда институтов международного договорного права в отношении Конвенции 1948 года (например, правила действия договора во времени). Как представляется, основы для этого заложены и в консультативном заключении Международного суда ООН от 28 мая 1951 г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него», согласно которому принципы, лежащие в основе Конвенции 1948 года, «признаны цивилизованными странами как обязательные даже для государств, не присоединившихся к Конвенции» [2, с. 23].

Соглашаясь со значимостью Конвенции 1948 года как на международном, так и на национальном уровнях, следует, однако, констатировать наличие в нем ряда недостатков. Наиболее очевидными являются следующие.

1. Конвенция 1948 года, впервые в международной правотворческой практике предусмотрела содержание противоправности и фактически подтвердила юридический статус геноцида в качестве самостоятельного преступления. Но определение геноцида в ст. II имеет ограничительный характер в части закрепления перечня групп, выделяемых по национальному, этническому, расовому или религиозному признаку, уничтожение (намерение уничтожить) которых составляет содержание противоправности данного преступления.

Несмотря на то, что примеры геноцида из мировой истории демонстрируют высокую степень

распространенности фактов уничтожения населения именно исходя из их принадлежности к какой-либо из указанных групп, принятый в Конвенции 1948 года подход не в полной мере учитывает юридическую природу данного преступления, все формы его проявления, в связи с чем не позволяет реализовать охранительный и превентивный потенциал международно-правового запрета геноцида.

Справедливость представленного суждения подтверждается и положениями принятой еще в 1946 году резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/96 (I) «Преступление геноцида», в которой не только зафиксирована преступность геноцида с точки зрения международного права, но и четко определена его направленность против «целых человеческих групп», независимо от того, совершено ли данное преступление «по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам».

Понимание ограниченности международно-правового запрета, предусмотренного ст. II Конвенции 1948 года, по всей вероятности, подтолкнуло законодателей ряда государств расширить перечень защищаемых групп при определении противоправности рассматриваемого преступления на национальном уровне.

Именно такой подход избран и белорусским законодателем: диспозиция ч. 1 ст. 127 УК Республики Беларусь, закрепляющая признаки геноцида, определяет круг потенциальных потерпевших исходя из их принадлежности не только к национальной, расовой, этнической или религиозной группе, но и к иному сообществу, определенному на основе другого произвольного критерия.

Менее удачные попытки преодоления этого недостатка Конвенции 1948 года были предприняты в уголовных законах Франции, Польши, Финляндии, прибалтийских государств и др. В частности, помимо групп, названных в Конвенции 1948 года, защищаемыми признаны также политические группы (ст. 118 УК Польши); группы, оказывающие сопротивление оккупационному режиму (ст. 90 УК Эстонии); группы, различающиеся своими особенностями (ст. 220а УК ФРГ) и т.д.

С точки зрения общей оценки законодательной установки, реализованной в уголовных законах упомянутых государств, подобный

подход, бесспорно, заслуживает поддержки. Вместе с тем продемонстрированное на уровне законодательных предписаний намерение данных государств защищать от актов геноцида максимально широкий круг лиц, к сожалению, не совпадает с общеполитической позицией этих стран и не подтверждается практикой деятельности их правоприменительных органов.

Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, запросы о выдаче либо об оказании правовой помощи, в том числе в рамках заключенных международных соглашений, неоднократно направляемые в указанные и иные государства в рамках расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, либо игнорировались, либо встречали прямой отказ в запрашиваемом содействии. Это свидетельствует не только о декларативности намерения бороться с геноцидом, зафиксированного в законодательствах названных государств, но и о грубом нарушении международно-правовых норм *jus cogens*, статус которых признается Международным судом ООН и в отношении запрета на совершение рассматриваемого преступления [3, с. 54].

Следует отметить, что закрытый перечень защищаемых групп, определенный в ст. II Конвенции 1948 года, становился предметом критических замечаний и в теории права. «Сущность геноцида заключается в стремлении преступников к достижению конечной цели – уничтожению общности людей, обособленной по определенным признакам. Ограничение ее только расовыми, этническими, национальными и религиозными критериями не только значительно сужает реальное содержание геноцида, но и существенно уменьшает возможности адекватного реагирования международного правосудия на уничтожение отдельных групп людей по признакам, не указанным в норме о геноциде» [4, с. 11].

В качестве иных, помимо перечисленных в Конвенции 1948 года, критериев, позволяющих идентифицировать группу в качестве возможного объекта воздействия в случае совершения геноцида, авторами предлагаются такие характеристики, как принадлежность к какому-либо сообществу [5, с. 35] либо наличие общественно значимых признаков (например, принадлежность к классовой,

возрастной группе) [4, с. 11]. Называются также (со ссылкой на работы Р. Лемкина) такие объединяющие критерии, как культурная идентичность группы и различающееся мировоззрение [6, с. 516] и др.

Отличный от конвенционного определения геноцида подход в части трактовки круга групп, находящихся под защитой, представлен и в ряде судебных решений современных международных судов (трибуналов). Их суть отражена в позиции Международного суда ООН по вопросу о толковании положений Конвенции 1948 года: геноцид может быть совершен с намерением уничтожить этническую группу, находящуюся на «ограниченной в географическом отношении территории» [7, с. 11]. При этом в решениях международных судов (Международный трибунал по Руанде, Международный трибунал по бывшей Югославии) этническая группа определяется достаточно широко – как группа, «члены которой имеют общий язык и культуру, или группа, которая таким образом отличает себя (самоидентификация), или группа, которая выделяется другими, включая тех, кто совершает преступления» [8, с. 19].

Не вдаваясь в содержание существующих в доктрине и формирующихся в судебных решениях подходов по рассматриваемому вопросу, нужно отметить важность факта их существования, что подчеркивает актуальность вопроса о корректировке международно-правовой характеристики геноцида в Конвенции 1948 года.

2. Несмотря на то, что в названии Конвенции 1948 года содержится указание на предупреждение геноцида, в ней фактически нет норм, определяющих содержание обязательств участников договора, которые имели бы предупредительный характер. Закрепляя в ст. I лишь общую установку, подтверждающую намерение сторон принимать меры по предупреждению геноцида, Конвенция 1948 года предусматривает право государств обратиться в соответствующий орган ООН с требованием принять необходимые меры, направленные на предупреждение и пресечение актов геноцида (ст. VIII). Иными словами, позволяя задействовать международный механизм предупреждения актов геноцида и иных деяний, определенных в ст. III, Конвенция 1948 года (ст. VIII) одновременно ограничивает международно-правовые возможности

договаривающихся сторон в рассматриваемой сфере правовым ресурсами ООН и, соответственно, предписаниями Устава данной организации.

Некоторый превентивный потенциал Конвенции 1948 года может быть усмотрен в содержании упоминавшейся выше ст. III, согласно которой помимо геноцида в государствах-участниках должны быть наказуемы деяния либо предшествующие, либо сопутствующие данному преступлению:

- заговор с целью совершения геноцида;
- прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- покушение на совершение геноцида;
- соучастие в геноциде.

На первый взгляд, кажется, что одна часть названных деяний вполне может охватываться институтом соучастия в преступлении, известным национальному законодательству; другая – выступает характеристикой геноцида с точки зрения стадии реализации преступного намерения. Однако тот факт, что соучастие в геноциде и подстрекательство к его совершению выделены как отдельные виды противоправного деяния, может свидетельствовать о самостоятельности юридической природы подстрекательства.

В международно-правовых исследованиях по вопросу наказуемости указанного посягательства обосновывается идея о том, что под подстрекательством к геноциду нужно понимать отдельное преступление, «а не вид соучастия. Главное отличие заключается в том, что подстрекательство к геноциду адресовано неопределенному кругу лиц и считается оконченным с момента оглашения призывов вне зависимости от наступления последствий» [9, с. 212]. Практика международного правосудия идет по такому пути.

По национальному уголовному закону (правосудие по данной категории дел согласно предписаниям ст. VI Конвенции 1948 года прежде всего должно осуществляться судом того государства, на территории которого было совершено любое из деяний, указанных в ст. III) наказание за неоконченную преступную деятельность (покушение относится к таковым) назначается с учетом характера и степени общественной опасности фактически совершенных действий, степени осуществления преступного намерения и обстоятельств,

в силу которых преступление не было доведено до конца. Как правило, такое наказание при прочих равных условиях не является тождественным по строгости (тяжести) наказанию за оконченное преступление. Соответственно, отдельная криминализация покушения на геноцид, на которую ориентирует ст. III Конвенции 1948 года, позволяет более взвешенно и единообразно определить в санкции соответствующей нормы пределы уголовно-правовых последствий совершения подобного деяния, а также обеспечить реализацию превентивной функции уголовного закона относительно самого факта геноцида.

3. Конвенция 1948 года предусматривает весьма слабый механизм реализации. Помимо положений об обращении к соответствующему органу ООН с требованием принять необходимые меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида и других предусмотренных данной Конвенцией деяний (ст. VIII), о порядке разрешения споров между сторонами по поводу ее толкования, применения или выполнения (ст. IX), а также юрисдикции национального суда того государства, на территории которого совершен акт геноцида, в отношении лиц, обвиняемых в геноциде или иных деяниях, указанных в ст. III Конвенции 1948 года (ст. VI), других организационно-правовых механизмов в этом акте не предусмотрено.

В этом направлении был сделан определенный задел: в ст. VI рассматриваемого акта заложена важная в практическом отношении идея о подсудности геноцида международному уголовному суду, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон Конвенции 1948 года. Однако учрежденный спустя более полувека с момента принятия данной Конвенции Международный уголовный суд (*Статут суда вступил в силу 1 июля 2002 г.* – Примеч. авт.), юрисдикция которого распространяется в том числе и на геноцид, понимаемый в контексте конвенционных признаков этого преступления, как представляется, не позволяет в полной мере сделать вывод о судебной обеспеченности норм Конвенции.

Во-первых, в силу прямого предписания п. 1 ст. 11 Статута суда его юрисдикция распространяется только в отношении преступлений, совершенных после вступления в силу данного Статута. Во-вторых, обязательность юрисдикции суда

не связывается с субъектным составом конвенционных актов, устанавливающих международную противоправность предусмотренных в Статуте деяний, а зависит исключительно от признания государством его юрисдикции.

Для сравнения: более разработанный правовой механизм реализации присущ Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (далее – Международный договор 1973 года) [10], которая регламентирует вопросы противодействия сходному международному преступлению. В частности, Международный договор 1973 года не только закрепляет механизм обзора выполнения государствами-участниками своих обязательств, но и предусматривает образование Специального комитета по апартеиду. Правда, ни Конвенция 1948 года, ни Международный договор 1973 года не регламентируют вопросов возмещения вреда, причиненного указанными в них деяниями, общие договорные нормы универсального характера по указанному вопросу также отсутствуют. Учитывая же обстоятельства, ставшие предпосылкой принятия Конвенции 1948 года, вопрос компенсации, иной формы возмещения причиненного геноцидом вреда, несомненно, имеет особую актуальность.

В науке международного права факт отсутствия в Конвенции 1948 года норм, предусматривающих создание постоянного органа международной уголовной юстиции как механизма противодействия геноциду, объявляется отдельными авторами одной из причин слабости и предупредительного потенциала указанной Конвенции [11, с. 9]. Вероятно, создание в системе ООН в 2004 году института специального советника по предупреждению геноцида, в функции которого входит сбор информации о серьезных массовых нарушениях прав человека, взаимодействие с ООН в части предупреждения геноцида и др., отчасти было продиктовано существующими проблемами обеспечения реализации положений Конвенции 1948 года и недостатками ее превентивного потенциала. Однако очевидно, что данный институт не способен решить те вопросы, которые юрисдикционно связаны с функционированием судебного механизма. Как представляется, не может решить эти вопросы и совместный отдел по предупреждению геноцида

и по вопросам об ответственности по защите, который также функционирует в системе ООН.

Безусловно, в международной практике существуют механизмы, которые могут быть использованы для привлечения к ответственности виновных субъектов, а также обеспечения компенсации вреда, причиненного жертвам международных преступлений (например, международные судебные механизмы (в том числе суды *ad hoc*); создание смешанных комиссий по рассмотрению взаимных претензий; деятельность национальных судов в области судебного преследования лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях международного права и др.). Отдельно стоит назвать и такой международно-правовой институт достижения этих целей, как Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов. Современной международной практике известны Остаточный механизм для Специального суда по Сьерра-Леоне, а также Международные остаточные механизмы для уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. Основная задача указанных инстанций – после завершения работы названных трибуналов продолжить выполнение ряда их «существенно важных функций, включая суд над скрывшимися от правосудия лицами» [12, с. 112], относящимися к числу наиболее ответственных за преступление. В категорию таких функций можно включить и помощь национальным правоохранительным органам при получении правительственных запросов о предоставлении фактических данных и важной информации в рамках национального расследования, надзор за исполнением приговоров, рассмотрение исков о компенсации и др., как это зафиксировано, например, в Соглашении между правительством Сьерра-Леоне и ООН от 11 августа 2010 г.

Вместе с тем использование названных и иных механизмов, если они не определены в соответствующем договорном акте, ограничено усмотрением сторон.

В контексте перечисленных недостатков Конвенции 1948 года отчасти объяснима ситуация, связанная с тем, что спустя 75 лет с момента принятия данного акта вопросы по поводу его применения не только обсуждаются на страницах юридической печати, но и становятся предметом рассмотрения Международного суда ООН: Босния

и Герцеговина v. Союзная Республика Югославия (1993), Хорватия v. Сербия (1999), Гамбия v. Мьянма (2019).

Данный факт не только подтверждает несовершенство Конвенции 1948 года, но и свидетельствует о существовании и развитии геноцидных практик в разных регионах мира. Иными словами, уроки Второй мировой войны и состоявшихся по ее итогам трибуналов, документальным наследием которых традиционно признается Конвенция 1948 года, для международного сообщества и отдельно взятых государств не стали сдерживающим

фактором в части недопущения геноцидных форм поведения.

Безусловно, эффективность любого международного договора зависит в первую очередь от добросовестного исполнения его положений участниками соответствующего соглашения. Вместе с тем недостатки последнего в ряде случаев становятся препятствием для достижения тех целей, которыми руководствуются договаривающиеся стороны на этапе заключения договора. При этом следует отметить, что положения ч. 1 ст. XVI данной Конвенции предоставляют право любой из договаривающихся сторон требовать пересмотра Конвенции.

Elena KOROTICH, Head of Division of the Scientific and Practical Centre for Problems of Reinforcing Law and Order of the Prosecutor General's Office, Ph.D. of Juridical Sciences, Docent

Basing on the analysis of the regulations of the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (1948) and other individual decisions of modern international courts regarding application of this act, the article concerns some shortcomings of the conventional definition of the crime of genocide, as well as the mechanism for the prevention of this crime and realization of the commitments of the Parties as provided for by the Convention.

Key terms: genocide; international legal mechanism for the prevention and combating genocide; shortcomings of international standards in the sphere of countering genocide.

Список цитированных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Заключена в г. Нью-Йорке 9 дек. 1948 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда (1941–1991) / ООН. – Нью-Йорк : ООН, 1993. – 286 с.
3. Михайлов, Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности : моногр. / Н. Г. Михайлов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2006. – 267 с.
4. Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое исследование : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. В. Аванесян ; Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел РФ. – М., 2010. – 36 с.
5. Мошенская, Н. В. Геноцид – историческая и правовая характеристика понятия / Н. В. Мошенская // Адвокатская практика. – 2005. – № 3. – С. 30–35.
6. Тарбагаев, А. Н. Основные направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 511–520.
7. Дадуани, Т. Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.10 / Т. Г. Дадуани ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2012. – 21 с.
8. Мартиросян, А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. С. Мартиросян ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2014. – 26 с.
9. Гигинейшвили, М. Т. Подстрекательство к геноциду в практике международных трибуналов / М. Т. Гигинейшвили // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 24. – С. 212–214.
10. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (Заключена в г. Нью-Йорке 30 нояб. 1973 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
11. Мартиросян, А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.10 / А. С. Мартиросян ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2014. – 26 с.
12. Грицаев, С. А. Международные остаточные механизмы органов международного уголовного правосудия: краткая характеристика / С. А. Грицаев, Д. О. Моргун // Вестник Моск. ун-та М-ва внутр. дел России. – 2016. – № 7. – С. 111–114.